

В соответствии с этим и автор повести писал, что государь будет спокоен „от войны и от татар и во веки, какъ сядуть в Азове граде...“ (л. 45).

Эти мотивировки сейчас же подкреплялись следующими. Казаки писали в отписке, что они побили врагов „божиею милостию“, Ивана Предтечи и Николы „умолением, а государским счастьем“.¹ И в повести и на соборе говорилось буквально то же самое.² Многие „выборные люди“ указывали еще, что „Азов взят изволением вышнего бога... донскими казаками, во отмщение крови православных крестьян“, что именно Предтеча и Никола город „отстояли“, так как сам „бог“ якобы хотел „избавити православных христиан от варварского нахождения“. Вспомним антитезу повести: казаки — „люди божии“, турки — „прегордый варвары“.

По мнению участников собора, примером обороны Азова будто бы хотел „господь бог прославити преславныя своя чудеса“.⁴ В чем же, однако, эти „чудеса“ состояли и как рисовалась воображению современников помощь „небесных сил“ защитникам Азова? Как бы отвечая на этот вопрос, автор повести в пышных картинах воплощает все эти характерные для данного исторического момента мотивы идеологического оправдания известных политических интересов.

По словам Исторической повести, еще перед взятием Азова казакам „во сне видение было“: видели старца и „жену светлообразну“, которая сказала, чтобы спешили со „взятием града, что уже де время приспело православной христианской вере быти“ (61).

Во время осады, по Поэтической повести, как бы в ответ на благочестивое поведение казаков, имевших „чистоту телъсную и душевную“, опять является то же видение, причем поясняется: „та нас мать божия... не предала в руцѣ бусорманские...“. Далее сама „богородица“ обращается к казакам с целой программной речью, искусно сотканной автором из традиционных литературных формул. „Мужайтесь, казаки, а не ужасайтесь!“ — говорит она и указывает далее, что христиане, жившие некогда в Азове, жестоко пострадали от „беззаконных агарян“, которые „разлучиша мужей от законных женъ, сыны и дщери разлучаху от отцовъ и матерей..., а о чистых девахъ... уста моя не могутъ изрещи...“ (л. 42 об.). Но затем „услыша бог молѣние ихъ“ и „далъ вам на бусорман отомщѣние, предал вам градъ сей и их в руцѣ ваши“. После этого сомнение в том, что все происшедшее направлялось „божественной“ волей, не может, казалось бы, проникнуть в душу не только московского читателя повести, но и самих турок: „не рекут нечестивыми — где есть бог нашъ христианской?“ В том же торжественном церковно-книжном

¹ Турецкие дела, № 1, л. 1.

² А. Орлов, ук. соч., стр. 114.— Собр. гос. грамот..., стр. 386, 389.

³ Собр. гос. грамот..., стр. 386—389.

⁴ Там же стр. 386.